

Василий РЯЗАНОВ

СЧАСТЛИВОЕ ДЕТСТВО

Нет в мире важнее человека
чем тот, который перед тобой

Василий Рязанов

Счастливое детство

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57283218

Счастливое детство / Василий Рязанов: Четыре четверти; Минск;

2020

ISBN 978-985-581-289-1

Аннотация

Герои рассказов Василия Рязанова – спортсмены, оказываются в различных жизненных ситуациях. В стремлении к победе – над собой и своими слабостями – у них появляется возможность оценить свою физическую и духовную силу. Поле развивающихся событий не столько беговая дорожка или спортзал, сколько сам человек – его душа. Разве это счастливая жизнь, если люди не умеют «перепрыгивать» себя? И где та грань, которую нельзя переступить, чтобы сохранить собственное достоинство?..

Содержание

От автора	5
Колина телепортация	7
Счастливое детство	37
Лопухи	41
Черные дыры. Белые пятна	48
Стометровка	56
Мальчик	67
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Василий Рязанов

Счастлиное детство

Рассказы, повесть

© Рязанов В., 2020

© Оформление. ОДО «Издательство “Четыре четверти”»,
2020

Посвящается всем, кто на какое-то время или навсегда связал свою жизнь со спортом и сумел совместить при этом чистоту действий с чистотой помыслов.

Силу рождает не физическая способность, а неукротимая воля.

От автора

Разве это счастливое детство, если дети не умеют прыгать?!

Детство уходит, а детское счастье остается на всю жизнь.

Кто не прыгал в детстве через лужи?.. Или не бегал наперегонки? И разве не помним мы эйфории, когда сумели дальше всех бросить камень, сигануть, не замочившись, через ручей, увернуться от летящего в нас мяча?

Дворовые «соревнушки» переходят в юношеский, а затем взрослый спорт, для кого-то становятся профессиональным занятием. Возможно, утрачивается при этом детская непосредственность, но остается влекущая вперед «жажда игры», «жажда победы». А это значит, что человек неосознанно хочет совершенствования.

Победа над соперником важна и приносит определенное удовлетворение. Но любая борьба за лидерство, к сожалению, часто зарождаст у победителей нездоровое чувство превосходства, у побежденных – зависть. И потому любую победу желательно начинать с победы над собой. Регулярно работая над характером, собрав воедино силу физическую, силу воли, силу мысли и интуиции, сможем мы познать неповторимое чувство преодоления себя – чувство гармонии и совершенства.

Но не так все просто и однозначно в спорте! Будучи сконцентрированной, сжатой моделью жизни, он привносит в тренировки спортсменов, в их выступления, в работу тренеров те же препятствия, что ставит перед людьми повседневная жизнь. И здесь никуда не деться от вечного закона природы: борьбы добра и зла. Каждый день, час, минуту мы будем стоять перед выбором: нравственность, чистота, искренность, честная борьба... или же обратная сторона их? И хотя этот выбор происходит чаще в мелочах, но даже маленькое увеливание от правды, даже крохотная поблажка скажутся со временем. «Жизнь есть игра, в которую играют и проигрывают обманищики», – говорил Кришна. А потому честная победа превыше всего. И пусть герои не всегда оказываются на пьедестале и с медалью, однако чувства ликования и радости отзываются в их сердцах.

Колина телепортация

*Не желай жены ближнего твоего.
10-я заповедь Закона Божия*

Это не анекдот, не вымысел, и конечно, не шутка. Это – сущая правда, какая только может быть!.. Можете не верить, но это так.

В общем, начнем просто... с шаблона.

1

Студент третьего курса факультета физического воспитания одного из педагогических вузов Коля Щепкин однажды обнаружил в себе удивительную способность...

На одном из занятий по гимнастике разучивали студенты комбинацию на кольцах. Часть группы занималась на перекладине, другая же, в которой был Коля, расположилась в противоположном конце небольшого зальчика, густо уставленного гимнастическими снарядами и уложенного стопками матов. Двенадцать человек – одни мальчишки (группа их была полностью мужской), все в одинаковой форме: синие трусы и красные майки, не всегда подходящего размера, да еще не у всех тщательно выглажены, и черные тапочки-чешки, зачастую на босую ногу, – восседали рядком на длинной

гимнастической скамейке.

Петр Иванович – пожилой, глуховатый, но живенький преподаватель, стоял на мягком мате, широко расставив свои крепкие ноги. Тут же, под кольцами, находился и Коля Щепкин, готовясь к показу упражнений.

Небольшого росточка, худенький, словно тросик, на котором висели кольца, к тому же с гибкими гуттаперчевыми суставами, он с детства был вертлявым ловким мальчиком и умел выделывать такие штучки, которые были не под силу дворовым ребятам: элементарно садился на любой шпагат, не напрягаясь делал сальто с небольшого разбега; а верхом всего было хождение на руках – он запросто мог пройтись метров так с полсотни, а то и подняться по ступенькам лестницы под восторженные взгляды детворы.

На уроках гимнастики его врожденные способности еще какгодились, и Петр Иванович частенько приглашал Колю для наглядной демонстрации упражнений.

...Потирая руки, припудренные магнезией, Щепкин поглядывал то на них, то вскидывал голову вверх, примеряясь к висящим бубликам колец. Когда он приготовился, Петр Иванович обхватил его сзади за пояс, Коля подсел, отвел руки назад – для замаха...

– Как называется это положение? – отвлекся на секунду препод в сторону студентов: он любил неожиданно проверить гимнастическую терминологию.

– Руки в зад до упора, – слышалось от кого-то.

– Куда, куда?.. – не расслышал Петр Иванович, а вся группа грохнула от смеха.

...Когда смех утих, ловким прыжком, с помощью учителя Щепкин взметнулся вверх. Переноса вес тела то на одну, то на другую руку, схватился поудобней, нашел устойчивое положение и замер, вытянувшись в струнку.

Петр Иванович сделал шаг назад с мата и командным голосом отчеканивал задания, которые Коля тут же выполнял, а сидевшие студенты запоминали комбинацию.

– Вис на кольцах, – скомандовал преподаватель.

Щепкин послушно повис.

– Мах вперед-мах назад! Мах вперед-мах назад! Мах вперед, махом назад – выкрут назад, вис согнувшись.

Набрав размахиваниями амплитуду, Коля резким махом назад и разведением рук в стороны повис, сложившись в пояс, на кольцах со спиной и ногами, параллельными полу. Замер.

– Оттянуть носки... Махом вверх – вис прогнувшись...

Щепкин выполнил. Снова замер.

– Ноги натянуть... Падением назад – мах назад... Махи в висе...

Коля послушно раскачивался. Ум его был сконцентрирован на командах и четко выполнял все предписания.

– Махом вперед – вис согнувшись, – скомандовал Петр Иванович. – Махом вверх – вис прогнувшись...

Коля послушно повис вниз головой.

Видно, группа не была настроена сегодня серьезно:

– Отпустить руки! – негромко, но отчетливо пошутил кто-то из ребят.

Щепкин машинально разжал пальцы... и тут же рухнул на мат, задев его головой.

Петр Иванович не успел его подстраховать и подскочил к уже скорчившемуся на полу студенту. Он так и не понял что произошло: команды вполголоса туговатый на ухо преподаватель не расслышал.

Ребята прыснули, было, разразившись смехом, – так комично показалось беспрекословное выполнение команд их согруппником, но тут же осеклись, поняв, что дело дрянь.

К их счастью, через десяток секунд Щепкин шевельнулся и, морщась, поднялся на ноги. Голова его неестественно склонилась на бок...

К приезду врачей Коля уже довольно сносно чувствовал себя и, сидя на скамейке, осторожно покручивал непослушной головой.

Отделался парень легко – у него оказался всего лишь подвывих атланта. Щепкину наложили на шею гипс, похожий на высокий и твердый белый воротничок, и теперь он ходил неестественно прямо, а чтобы посмотреть в сторону – поворачивался всем телом.

Но зато произошли чудесные перемены в организме бедного студента, о которых он даже не мог предположить!

То ли с появлением свободного времени (от спортивных

пар Щепкин, естественно, был освобожден), то ли от анализа своего комичного падения (а об этом он частенько вспоминал), Коля стал не в меру задумчив и рассудителен. В этом «вслушивании в себя» он чувствовал, как нечто пробудилось в нем, изменив весь настрой его души. Еще не понимая – что же произошло, Коля прислушивался к процессам, протекавшим где-то очень глубоко, и старался дать определение своему новому состоянию. Но оно ни с чем не связывалось, ни с чем не ассоциировалось, ни на что не было похоже, оттого и не находилось в Колином лексиконе ему названия.

Щепкин-то чувствовал эту неумную загадочную силу, поселившуюся в нем. Всем нутром ощущал он, как приближается то время, когда от обладания тем, чего не было ни у кого, он станет центром внимания и будет гордиться таинственной способностью. Интуитивно он прятал это ощущение в себе, ни с кем не делиась тем, чего еще не понимал сам.

Однажды, когда их группа занималась на стадионе, Щепкин покорно присутствовал на занятии, дабы избежать отработок. Понуро уставившись в мокрую, после дождя, землю, он сидел на трибуне, наклонившись всем телом вперед. Поставив локти на колени, Коля кулаками уперся в подбородок и беспечно поплеывал на землю. Уставшее от долгого прямолинейного положения тело ныло непривычной болью. Настроение было подстать серому дню и ноющей спине.

Коля рассматривал дождевого червя, мирно проползав-

шего между его ногами. Червячок скукоживался, затем растягивался всем телом и медленно продвигался по направлению к беговой дорожке.

Щепкин пристально всмотрелся в него. В это время (это он уже вспомнит потом) для него весь мир перестал существовать, а сузился до маленького, ползущего, первичноротого, с его неуклюжими движениями. Коля не слышал шумного дыхания пробежавших ребят, громких выкриков преподавателей. Ветер для него утих, звуки машин за оградой исчезли. В этой концентрации он неожиданно уловил (или это ему показалось?), что червячок вдруг пополз в обратную сторону, причем задом наперед, не разворачиваясь.

От неожиданности Коля крепко зажмурил глаза и вновь раскрыл их. Да, он не ошибся – червяк уползал обратно под его ноги.

«Может, я не заметил, как он развернулся головой вперед? – подумал Щепкин. – Разве разберешь, где у него что находится?»

Оживившись, собрав внимание в кучку, Коля продолжал наблюдать за ползущим червем.

«Если я не ошибаюсь... ползи-ка ты вновь вперед!» – промелькнула у Щепкина молниеносная мысль. Он даже не понял, где зародилась она, откуда пришла?

Странное дело... Произошло маленькое чудо – червячок, как загипнотизированный, не разворачиваясь, пополз в обратном направлении.

Казалось, пасмурный день солнцем засиял в душе Щепкина. Он почувствовал невероятный прилив сил от сознания своей власти над червячком. И когда тот прополз сантиметров десять, вновь скомандовал, уже более уверенно: «А не повернуть ли тебе, друг любезный, вспять!» Послушное животное тут же исполнило просьбу Щепкина, вновь изменив направление.

Разошедшийся Коля проделал свои фокусы несколько раз, прежде чем отпустить измученного червячка.

Окрыленный, сильный, свободный, он бродил вдоль трибун вперед-назад, заложив руки за спину и гордо подняв вверх голову в уже не совсем белом гипсовом воротничке. Мысли роились в голове. Они не были конкретны, но присутствовало в них чувство неоформившейся мощи – мощи немереной и беспредельной. Состояние Щепкина можно было охарактеризовать как многоточие с еще неизвестными приятными последствиями.

2

А ночью Щепкину приснился сон, в котором он увидел себя повелителем вселенной...

Коля парил в межзвездном пространстве и взмахом руки, а то и вовсе одним взглядом, перекраивал жизни планетного люда.

На одной из планет жили друзья детства. Похоже, населя-

ли ее только дети. Завидев парившего высоко в небе Щепкина, внизу собралась толпа детворы и, задрвав головы, восторженно смотрела вверх. Когда Коля спустился пониже, дети в знак приветствия и почитания замахали руками, подбрасывая вверх панамы и прыгая. Возгордившийся и довольный приемом, Щепкин небрежно взмахнул левой рукой – и, как по мановению, посыпался вниз, на детвору, град эскимо в золотистых обертках.

На второй планете было безлюдно. Сконфуженный этим – перед кем же гордиться? – Щепкин хотел было уже улететь, как заметил одинокую знакомую фигуру, отделившуюся от дерева. Петр Иванович в спортивных шароварах и вылинявшей мастерке с буквами «СССР» на спине тоже увидел его. Он неуверенно поднял руку – признает ли старого учителя бывший студент?.. Но Колян был добр и щедр. Он громко выкрикнул: «Иванович, приветствую вас!» Но Петр Иванович, как всегда, не расслышал с первого раза: повернул вполоборота голову, приложил ладошку к уху, наострил слух.

Вместо того чтобы еще что-то прокричать, Щепкин взмахнул правой рукой, и невдалеке от Петра Ивановича, словно в сказке, вырос просторный спортивный зал с современным гимнастическим оборудованием. Здесь уже не было тесно, как в старом, пропахшем потом зальчике, и без помех одновременно могли заниматься две, а то и три группы студентов.

Петр Иванович сложил ладошки и боголепно раскланялся

вслед улетающему благодетелю – Щепкину.

Щепкин оглянулся, чтобы попрощаться. В шею стрельнуло... и он проснулся от боли, распрощавшись с приятной эйфорией и вновь попав на грешную унылую землю.

3

Наступил новый день – необычный для Коли. Он был уже не он, а некто совсем иной, хотя внешне ничем не отличался от себя вчерашнего. Конечно, не превратился в кого-то еще: характер, привычки. Они остались прежними, однако Щепкин явно ощущал в себе волшебную энергию, которая вчера была только еще намеком.

По дороге на занятия, удобно устроившись на последнем сиденье троллейбуса, Коля задумался, погрузившись в созерцание нового для него состояния. Мир опять стал уплывать, а взгляд сам собой остановился на оброненном кем-то коробке спичек. Нет, он вовсе не концентрировался на нем, забыв о существовании всего остального; наоборот, Коля с большей силой ощущал всю полноту бытия, но вся она сводилась к маленькому коробку. Шестым, неведомым, чувством Щепкин воспринимал людей, снующих по улице, слышал шум проносающихся мимо машин, улавливал солнце, высветившееся из-за облаков, и даже видел внутренним взором гораздо больше, чем могли бы видеть его глаза в эти минуты. Да, это было прекрасное ощущение полноты жизни: будто

весь мир сузился до одной точки, и чтобы познать все, достаточно было познать одну ее – эту точку.

Щепкин озорно подмигнул спичечному коробку, словно тот был живое существо, и мысленно направил его в сумочку полной дамы, сидящей впереди. Коробок моментально исчез из салона троллейбуса.

Дамочка, словно почувствовав что-то, расстегнула сумку и, порывшись, достала коробок. Нисколько не удивившись ему, она переложила спички в другое отделение сумочки, как будто он был ее принадлежностью. «Странно, – удивился Щепкин, – решила она присвоить чужое или действительно приняла за свое?»

До корпуса института оставалось уже немного. Проходя мимо детского сада, Коля вдруг остановился, увидев играющих в песочнице малышей, – решил проверить новую догадку.

Из-за дерева, чтобы на него не обращали внимания, стал рассматривать детское ведерко – красное в желтую крапинку, с которым играл мальчик. Девчушка лет четырех сидела рядом на корточках и с завистью поглядывала на ведерко. И когда она попросила о чем-то мальчика, указывая на игрушку, тот только отдернул руку и спрятал ведро за спину.

Так они продолжали возиться в песке: мальчик самозабвенно черпал его ведерком, а девочка с молчаливой завистью наблюдала за ним.

И вновь Коля почувствовал, как мир стал сужаться до величины ведра. Он подал знак, ведомый только ему, и игрушка мгновенно переключилась в руки девочки.

Щепкин внимательно наблюдал, стараясь не пропустить ни малейшего изменения в выражениях лиц детей. Но их – изменений – не было: девочка нисколько не удивилась появлению в своих руках игрушки, а мальчик даже не заметил, что остался ни с чем. Теперь они поменялись ролями: девочка игралась, а ее напарник с завистью смотрел на ведро...

Удовлетворенный экспериментом, Щепкин бодро зашагал дальше. «Вот здорово, – думал он, – люди не замечают перемен, происходящих с ними, а воспринимают последствия, будто так было всегда!»

Сидя на паре по французскому языку, Коля внимательно следил за Игорьком Перемычкиным – это он сыграл злую шутку тогда, на гимнастике, скомандовав «отпускай руки». Нет, Щепкин вовсе не таил на него зла, так как был человеком мягким и покладистым. Да и «вовремя» вставленную шутку оценил; хотя приличия ради внешне старался казаться обиженным. Ну, да кто же знал, что он действительно отпустит кольца!..

Но что-то щекотнуло парня, и он сосредоточился на Игорьке. Мир вновь переставал для него существовать...

В это время преподавательница вызвала Перемычкина. Тот поднялся и отвечал стоя.

Щепкин мысленно представил как стул, на котором сидел Игорек, отодвинулся. Стул и вправду послушно переместился в пространстве. А Игорек, уверенно плюхнувшийся «в него», не нащупал позади опоры и с грохотом полетел в проход между столами.

Надо отдать должное его ловкости: он сумел сгруппироваться и перекатился на спину, не пострадав физически.

Группа развеселилась, а учительница сдержанно отреагировала:

– Осторожнее надо быть, Перемычкин.

Сам же Игорек несколько не удивился, что стула не оказалось на месте. Ему и в голову не пришло подозревать кого-то в подвохе.

4

Проходили дни. Коля Щепкин отменно овладел своей новой способностью, изучил ее и теперь мог передвигать маленькие и большие предметы на любые расстояния.

Как-то он попытался похвастаться своей силой перед однокурсниками, но те (странно!), не поверив ему, только смеялись, говоря, что шкаф, сколько они помнят, стоял именно в правом, а не в левом углу аудитории.

Вначале Щепкин нервничал – в бессилии доказать свою новую способность, но потом смирился. А затем и вовсе понял, что обладание чудодейственной энергией касается ис-

ключительно его одного.

И все же, как оказалось, глубоко в нем затаилась грусть от непризнания!..

Щепкин на какое-то время забросил свои эксперименты с передвижением предметов (все равно никто не оценит!) и вернулся к обычной жизни. Но при этом всегда ощущал, как томится его неумная натура. Понимая, что это связано с его новой способностью, он никак не мог разобраться, в чем же дело и для чего предназначена его сила?

Но однажды, когда он сидел на одной из лекций и грустил, машинально исчеркивая поля конспекта непонятными рисунками, его вдруг осенило. От догадки он неловко дернулся: боль пронзила шею, – он все еще ходил в гипсовой повязке.

Ликование, какого он никогда не испытывал, охватило Колю Щепкина от макушки до пят. Он отодвинул недописанный конспект и погрузился в собственные мысли, которые начинали выстраиваться в грандиозный план.

5

Дело в том, что у Коли Щепкина была своя тайна. И касалась она женщины.

На их факультете работала красивая девушка, трудилась лаборанткой на кафедре анатомии и физиологии. Была высока ростом, стройна – с длинными ногами и прекрасно сло-

женной фигурой. Именно таких, по мнению Щепкина, приглашают для демонстрации новых коллекций одежды.

Одевалась Ниночка (а ее звали именно так) всегда изысканно, что говорится, с иголочки. Если на ней была короткая юбка, то стройные ноги просто не могли не привлечь внимания любого нормального мужчины. (Коля Щепкин, естественно, считал себя нормальным.) Когда надевала она тонкую блузочку с глубоким вырезом, округлые груди ее идеально вырисовывались под тканью, словно и не было вовсе на ней кофточки. Если же приходилось видеть на Ниночке брюки, то, плотно облекая, они подчеркивали все остальные достоинства ее женской, идеально сложенной фигуры.

Прическа ее была проста – гладко зачесанные назад волосы, собранные в небольшой пучок. Но простота только придавала шарм всему этому божественному созданию, и Коля, завидев где-нибудь в коридоре среди спящих студентов и преподавателей колышущийся в такт шагам пучок волос Ниночки, млел в истоме от вожделения, будоражащего молодую кровь. Он мог с озабоченным видом ходить по этажам, будто кого-то разыскивал, а сам выслеживал и «пас» знакомый кавалерийский хвостик и его обладательницу. Когда же Ниночка, нагруженная таблицами и плавающими в формалине законсервированными человеческими органами, скрывалась в аудитории, Щепкин растерянно останавливался в нескольких метрах от двери и минуту-другую стоял, полностью опустошенный и непонятно для чего живущий: всякий смысл

его существования исчезал с исчезновением Ниночки. Затем он медленно брел на очередную пару, постепенно восстанавливая свое нормальное, целенаправленное житие.

Никто не знал о его тайной страсти. Тем более Ниночка не догадывалась о ней. А сказать о своем влечении Коля Щепкин не мог по двум причинам. Во-первых, он стеснялся подобного шага; ему требовалось немало времени, чтобы познакомиться с понравившейся девушкой. А во-вторых, Ниночка была замужем, и относительно честная Колина натура не могла так запросто вклиниться между Ниночкой и ее мужем. Хотя в потаенных закоулках души Щепкин находил третью причину... Он несколько раз видел, как муж Ниночки поджидал ее после окончания рабочего дня. Высокий, плечистый, тот выходил навстречу ей из машины, и она – машина – с облегчением вздыхала и приподнималась на тугих колесах, освободившись от непомерного груза. Эта груда мускулов обнимала Ниночку, и та – сама «не мелкого покроя» – скрывалась в объятиях мужа, словно Дюймовочка в цветке.

Задетый за живое, Коля наблюдал подобное, и ему становилось неуютно в присутствии этой машины, – хотя и располагался Щепкин предусмотрительно на безопасном расстоянии.

Растерянно бродя после такой встречи по улицам, Коля Щепкин мысленно разговаривал – с собой, с Ниночкой, с мужем-верзилой... Представлял, как лаборантка влюбится в

него (а это, конечно, обязательно произойдет!); как ревнивый и взбешенный муж, засучив рукава, захочет расправиться с любовником, но он, Коля, маленький и шустрый, ловко начнет наносить удар за ударом по неотесанному бревну и, конечно же, одержит победу.

Коля так увлекался своими фантазиями, что не замечал, как принимался вслух разговаривать и нервно дергать руками. И лишь когда волна справедливого негодования шла на убыль, Щепкин начинал понимать, как странно выглядит со стороны. Ему становилось неловко, он вжимал голову в плечи, оглядывался на прохожих, и быстро уходил прочь.

6

Сейчас же Ниночка, мечта его, неожиданно становилась такой близкой и досягаемой, что Коля чуть не прыгал от радости, сидя на твердом стуле в лекционной аудитории. «Олух! И как я не догадался раньше!.. Ведь такое бывает раз в жизни... Само провидение сжалилось надо мной. Это – знак! Это не намек даже, а подлинный знак! Я должен воспользоваться своей новой возможностью. Она для этого и пришла-то ко мне...» Окрыленный, наконец-то понявший главное назначение своей силы, нетерпеливо ждал Коля окончания занятий.

Но по дороге домой, трясясь в переполненном троллейбусе, несколько поостыв от своей догадки, Щепкин на какое-то

время засомневался: а справедливо ли он собирается поступить... Честно ли будет разбить семью?

Некоторое время он метался под давлением совести, но затем, спрятав ее за десятком причин, говорящих якобы в его пользу, сдался. Страстное желание взяло верх над рассудком, и, подъезжая к своей остановке, Щепкин решительно раздвинул плечами пассажиров, уверенно ступив на тротуар.

Сознание его, по некоему внутреннему приказу, живо представило Ниночку. Она стояла перед глазами словно настоящая. И ему так захотелось дотронуться до заветного пучка волос на ее затылке, что Коля даже приподнял руку.

Мир вновь сошелся в одну точку. И точкой этой была сама Ниночка... На этот раз легкий звон стоял в голове у Коли Щепкина, отчего еще больше ускользало из сознания и взгляда Колиного все внешнее. Коля успокоился и пришел в себя. Появилась уверенность, что дело сделано. И все же... Все же что-то подтачивало Колю, зарождая некоторое сомнение.

Странно, Щепкин даже не заметил, как, не оглядываясь по сторонам, пересек оживленную, полную транспорта улицу.

Подойдя к квартире, Щепкин по привычке полез в карман за ключом. Его там не оказалось... Разложив утро по минутам, он вспомнил, что позабыл ключи дома.

Досада овладела им: родители явятся только вечером; что

делать?..

На всякий случай он нажал кнопку звонка, послушал приглушенную трель, развернулся и направился было к лестнице.

Но тут дверь распахнулась. Щепкин удивленно обернулся и застыл: на пороге в домашнем атласном халатике стояла Ниночка...

Коля Щепкин, которому в последнее время все было ни почем – он никого и ничего не боялся, ведь в нем жила невероятная сила! – не мог сдвинуться с места.

Время тянулось. Как показалось ему – очень долго. Коля Щепкин, несильный Коля Щепкин дрогнул... Он уже хотел дать деру вниз, как Ниночка нараспев и нарочито обиженно позвала его:

– Колясик, ты куда?.. Иди же к своей крошке... – И она артистично раскинула руки и страдальчески закатила глазки.

Усилием воли Коля развернул непослушное тело и с опаской ступил в квартиру.

Ниночка, которая была выше на целую голову, обняла его, крепко сжав руки на шее.

– Ой, больно! – вскрикнул он.

Шею ломануло так, что раздался хруст. Уже почти заживший атлантовый позвонок (гипсовую повязку должны были снять через несколько дней) вновь дал о себе знать.

В первые минуты пребывания в своей, и какой-то чужой, квартире Щепкин привыкал к новому своему положению, не зная, что и предпринять. Он лихорадочно вспоминал о родителях: как они отнесутся к перемене в семье?.. Как все же нужно будет улаживать дела с мужем Ниночки?.. Что скажут друзья, соседи, глядя на неожиданную рокировку фигур?.. Но больше всего его волновал извечный вопрос: что же делать, касательно себя и Ниночки. Он решительно оказался не готов к такому повороту событий, хотя мечтал о нем и в сладострастии не раз представлял себя с любимой женщиной...

Щепкин топтался в темной прихожей их небольшой двухкомнатной квартирке, а нетерпеливый голос Ниночки звал его из комнаты:

– Ну, Коленька, где же ты?.. Порадуй скорее свою кнопочку.

Коля растерянно вошел в комнату. Ниночка сидела на кровати, поджав ноги, и шлифовала пилочкой свои прелестные коготки.

– А где же мандаринчики? – удивилась Ниночка.

Щепкин как истукан смотрел на нее, не понимая – о чем это она?

– Колясик, ты забыл, что я люблю мандаринчики? – игриво завизжала Ниночка. Она вспорхнула с покрывала, подбе-

жала к Щепкину и шутливо потрепала ладошкой по волосам.

– Ладно уж... Но впредь не моргай!.. Какой-то ты потерянный сегодня!..

Помявшись еще немного, Коля пошел в кухню. С утра он не ел, и теперь, после нервного стресса, голод дал знать о себе.

– Супчик и котлеты в холодильнике, разогреешь сам... – неслось ему вдогонку.

Вечером с работы вернулись родители.

Коля с напряжением ожидал объяснений.

Ниночка, как ни в чем не бывало, выпорхнула из комнаты и, словно легкая птичка, подлетела к ним:

– Добрый вечер, мамочка! – и она быстро чмокнула ее в щечку.

– Приветик, паpusик! – Ниночка стрельнула глазками на мужчину, сделала тот же жест поцеловать в щеку, но тут же отстранилась, игриво погрозив пальчиком.

Коля Щепкин заметил, как отец несколько сконфузился – ведь рядом стояла жена; но, видно, ему все же было приятно это внимание.

Коля ждал расспросов, удивления, негодования со стороны родителей. Но – странно – не дождался! Они, как само собой разумеющееся, приняли вечернюю встречу и занялись своими делами.

Щепкин потоптался возле них, нервно проговорил:

– Вы ничего не хотите спросить?

Те удивленно уставились на него.

– Если ты хочешь что-то нам сказать, то говори.

Коля еще покрутился на кухне и удалился в комнату, где его ждала любимая девушка.

8

Так началась новая жизнь Коли Щепкина.

Похоже, для других ровным счетом ничего не произошло. Соседи здоровались с Ниночкой, будто жила она здесь бог весть сколько. Друзья нисколько не удивлялись, заведя Колю с женой. И только самому Щепкину становилось все уютнее и горше на душе.

Ниночка оказалась довольно капризной и привередливой натурой. Каждый раз она выказывала неудовольствие, когда им приходилось трястись в тесном троллейбусе по пути в институт.

– Авто надо бы приобрести, – твердила она, – родители помогут... Да и пещерка ваша давно не вмещает всех!

К тому же Ниночка любила одеваться в дорогие вещи. Она не могла носить то, что предлагал купить Коля. А то, что нравилось ей, не в состоянии был купить он. Стипендии его порой не хватало даже на ее любимые мандарины, которые она съедала в невероятных количествах, – Щепкин только и успевал, что собирать по всей квартире засохшую кожу-

ру. Свою же не такую большую зарплату Ниночка пускала на парфюмерию. Можно было сломать голову, читая все эти названия на коробочках, пузырьках, бутылочках, для которых пришлось выделить несколько полок на книжном стеллаже.

Коле Щепкину вскоре пришлось устроиться на подработку. По ночам он разгружал вагоны, перетаскивая тяжеленные мешки. Заявляясь домой под утро, успевал только принять душ, попить чаю, и – бегом на занятия.

На лекциях он обычно дремал, чтобы дать хоть какой-то отдых молодому, растущему организму. На спортивных же парах нужно было быть начеку: дополнительная нагрузка утомляла, и в любую минуту он мог получить травму.

Приходя домой, возникала необходимость радовать Ниночку, обхаживать ее.

– Колясик, ты же знаешь, как я люблю пить кофе в постели!.. – И Коле ничего не оставалось, как подчиниться безобидной прихоти жены.

Проходя мимо цветочного магазина, она многозначительно поглядывала на Щепкина. И тот, словно заяц перед удавом, застывал, не в силах отвести взгляда от витрины. Совал руку в карман, нашаривал последние рубли и покупал букет роскошных роз. Если же на дорогие цветы денег не хватало, Ниночка одаривала его высокомерно-презрительным взглядом, срывалась с места и надменно цокала по тротуару тонкими каблучками импортных туфель. Колясик покорно семенил следом, устало и безразлично отмечая, как поглядыв-

вают на ее красивые ножки встречные мужчины.

...В общем, дело оказалось дрянь! Чего угодно мог ожидать Коля Щепкин от такой перестановки в своей жизни, но только не того, что произошло. Измотанный до предела, он еще какое-то время надеялся на перемены к лучшему. Порой пытался «говорить по душам» с Ниночкой, стараясь разъяснить смысл жизни, который, по его мнению, заключался в душевном единении, а не в красивой поверхностной мишуре. И ему казалось, что иногда в карих Ниночкиных глазах, где-то глубоко-глубоко в них, начинает тлеть огонек понимания. В эти минуты Щепкину становилось немного легче, зарождалась надежда. И это были самые счастливые мгновения в его новой жизни.

Но надо бы вернуться к первопричине всего...

9

Гипсовый «воротничок» Щепкину давно сняли. Но осталось неудобство при повороте головы – будто что-то мешало в районе атланта. Да и если присмотреться хорошенько, голова Колина оставалась чуть повернута в сторону и наклонена набок. Он подозревал, что причиной этому было крепкое Ниночкино объятие в тот первый, злополучный день их совместной жизни.

Ниночка иногда подтрунивала над ним, называя «Заслу-

женным калеккой спорта», и все советовала еще раз обратиться к врачу. «Если что – у меня в лаборантской запасной позвонок найдется», – шутила она.

И Коля обратился к доктору. Ему сделали снимок. Оказалось, что позвонок полностью так и не встал на свое законное место. Врачи разводили руками, но ничего поделать не могли.

Это изменение в позвоночнике, хотя небольшое и не болезненное, мешало Коле Щепкину. Мешало держать правильную осанку на любимых занятиях гимнастикой, мешало правильному дыханию в плавании. Но больше всего Щепкин смущался Ниночки: в ее присутствии ему неловко делалось за свой небольшой физический недостаток. И когда он уже дошел до отчаяния в своем переживании, то вдруг опять вспомнил о волшебной энергии. «А почему бы не применить ее в медицине?» – подумал он.

Сказано – сделано.

Коля вошел в ванную комнату. Внимательно рассмотрел себя в зеркало. На шее, слева, виднелась небольшая выпуклость – неправильно стоявший позвонок. Надо сказать, что Коля Щепкин неплохо знал анатомию. И хотя она была пройдена еще на первом курсе, он ясно представил строение шейного отдела позвоночника. Сосредоточился на атланте. Стены ванной комнаты растаяли. Мир вначале раздвинулся, а затем и вовсе перестал существовать; но «вошел» в самого Колю и в его маленький позвонок под названием «атлант».

Мысленно Щепкин представил, как позвонок занимает свое полноправное место.

Раздался негромкий щелчок. Пауза... И все начало восстанавливаться, вставать на свои законные места.

Когда стены стали стенами, а Коля – Колей, он вновь взглянул на себя в зеркало и обрадовался: бугорок исчез, голова находилась ровно по вертикальной оси тела.

Щепкин осторожно повернул ее в сторону, наклонил. Боли не чувствовалось. Шея работала как отменно налаженный механизм.

Тогда он с большей уверенностью начал вращать головой. Она послушно исполняла его волю.

Довольный, Коля Щепкин закончил эксперимент.

Он открутил горячую воду, встал под душ, чтобы предстать перед Ниночкой во всей своей новой красе.

Коля стоял под струями и ощущал непонятное изменение не только в своем теле, но и в своей душе. Будто мир вокруг преобразился: от него повеяло старым, знакомым и добрым – словно стал Щепкин тем, кем был когда-то раньше.

10

В последующие дни жизнь Коли Щепкина и Ниночки, казалось, несколько наладилась. Коле даже чудилось, что где-то в потаенных уголочках Ниночкиной противоречивой души зародилось нечто похожее на любовь к нему, Коле. Но

любила она его как-то через себя, не приминая напоминать о своей особе. И выходило, что любит она его любовь к себе, а по сути – себя саму, но никак не Колю.

А потом их отношения вернулись в старое русло. И Щепкин страдал и страдал все с большей и большей силой.

Однажды, когда ему стало совсем неважно от тяжелого бремени семейного мужчины, повстречался он случайно с бывшим Ниночкиным мужем. Тот стоял под дождем над своим заглушим «Мерсом» на обочине дороги и выискивал взглядом прохожих – кто бы мог подтолкнуть машину?

Коля охотно остановился, и минут двадцать они тщетно пытались завести агрегат.

– Ладно, звоню другу. Пусть на буксир возьмет, – наконец сдался Ниночкин атлет.

Они оба уселись на сиденье, как старые знакомые, и стали ждать помощи друга... Тут Коля и завязал разговор, подбираясь издали и намеками стараясь выудить у нового знакомого некоторые признания.

Оказалось, что Миша (так звали его) никогда не был женат, и где-то даже недолюбливал женскую половину. Щепкин же все гнул и гнул свою линию и все более открыто рассказывал о девушке по имени Ниночка, вставляя знакомые ему подробности из их с Мишей бывшей семейной жизни. Но Миша только морщился от таких откровений.

– Ты знаешь, старик, – сказал он напоследок, – у меня та-

кое чувство, что в какой-то прежней жизни я сам прошел через подобный ужас. Извини, не знаю, кем приходится тебе эта особа, но я не завидую тебе!

Тут Колю понесло. Глаза его загорелись, и он взмолился:

– Миш, ну заведи ее обратно в жены. Не могу я больше терпеть эту несправедливость!..

Новый знакомый как-то дико посмотрел на Щепкина.

– А ну-ка вылазь, парень. Ты, наверно, заболел!.. – он распахнул дверцу автомобиля и вытолкал бедного Щепкина на мокрую мостовую.

Задетый за живое, Коля мысленно пригрозил верзиле: «Хорошо, хорошо – попомнишь еще меня!» Он отошел в сторону, встал за дерево, как некогда стоял за стволом у детского садика, где проводил эксперимент с ведерком. Сосредоточился. Ясно представил Ниночку. Сделать это было несложно: несколько месяцев совместной кошмарной жизни стойко запечатлели ее образ в сознании Щепкина.

«Ничего, я с тобой быстро распрощаюсь!.. – бубнил он себе под нос. – Надоело!.. Все надоело!! Баста, хватит!!!»

Он с еще большей силой сконцентрировался на образе Ниночки и мысленно перенес ее в машину, к ее бывшему мужу Мише. Ему даже показалось, что на переднем сиденье, справа от водителя, действительно появился кто-то еще.

Но почему-то не возникало ощущения сужения мира и дальнейшего его исчезновения.

Тогда Коля с новой силой попытался представить Ниноч-

ку...

«Явно там сидит кто-то второй!.. – обнадеживал себя Щепкин. – Но почему не исчезает окружающий мир, как это происходило прежде? Или это новая особенность посетила меня?!»

На улице темнело. В сумерках под прикрытием кустов Щепкин подкрался сзади к самой машине.

У него отлегло от сердца – рядом с Мишей, бесспорно, кто-то сидел.

«Все-таки удалось!» – обрадовался Коля, встал в полный рост и важно прошествовал возле авто, надменно заглядывая в окошко.

Сердце его екнуло. Рядом с Мишей сидел незнакомый мужчина. Видно, это друг его, незамеченный Щепкиным, прибыл на помощь.

Слома голову, Коля ринулся домой.

Он бежал по вечерним улицам города, спеша проверить ужасную догадку...

На ходу Коля вспоминал не такой уж давний случай на занятиях гимнастикой, свое падение, вывих атланта, новое, появившееся чувство и свои странные способности, открывшиеся после этого; эксперименты с червячком, спичечным коробком и с более тяжелыми предметами, которые он легко и свободно передвигал в пространстве, и, наконец, эксперимент с Ниночкой, обернувшийся для него таким прома-

ХОМ...

Наконец-то его осенило: ведь это вывихнутый позвонок – причина всему!.. И затем он с ужасом подумал: «Зачем же я восстановил атлант на место!.. Куда исчезла моя сила?.. И что теперь делать?!»

Он бежал, пытаясь на ходу сосредоточиться на позвонке, чтобы сместить его вновь на бок – так, как он стоял на протяжении того времени, когда Коля обладал своей волшебной силой.

Щепкин прощупывал шею пальцами, крутил во все стороны головой... Все безуспешно: не было ни старого доброго бугорка, придававшего ему магическую способность, ни, как следствие, неловкости при вращении головой.

Но у него еще оставалась последняя надежда. Может, он ошибается, и никуда не ушла эта его сила!..

Запыхавшийся, Щепкин на одном дыхании влетел на третий этаж и замер у своей двери, за которой когда-то так беззаботно и спокойно жил вместе с родителями: просыпался утром, выходил к приготовленному завтраку, а затем, наслаждаясь беззаботной свободой, ехал на занятия, где ему доставляли удовольствие тренировки по гимнастике и где его ценили и уважали. А главное – где в перерывах занятий, среди студенческой суеты можно было увидеть недостижимый, а оттого привлекательный, колышущийся хвостик милой лаборантки Ниночки...

Тепло разлилось в Колином организме от таких мыслей.

Успокоенный наполовину, он нажал кнопку звонка.

Дверь отворилась. На пороге стояла Ниночка в домашнем атласном халатике.

У Щепкина перехватило дыхание.

– Колястик, где ты был так долго! – артистично воздела она к небу руки. – Про мандаринки не забыл?.. Вчерашние я уже доела.

Коля Щепкин почувствовал, как голова его закружилась. Ноги подкосились, и он упал в обморок, крепко ударившись головой о порог собственной квартиры. Шея неприятно хрустнула, в голове зазвенело...

Весь в холодном поту Коля очнулся. Неприятно ломило шею. Но вместе с тем он почувствовал прилив энергии. «Как было бы славно, если бы все это оказалось сном!» – мучительно подумал Коля.

Счастливое детство

Когда я был маленьким, мне очень нравилось прыгать. Я прыгал всегда и всюду, утром и вечером, и даже иногда ночью. Прыгал с качелей, прыгал, играя в «классики», прыгал с бортика в бассейн, спрыгивал с деревьев. Когда мама вела меня за руку и очень спешила – я не шел, как обычные дети, а бежал вприпрыжку, подскакивая то на одной, то на другой ножке. Со стороны, наверное, виделось, что мне очень весело, и кто-то из взрослых однажды сказал: «О-о!.. У этого мальчика счастливое детство: он так радостно прыгает!» И с тех пор меня так и прозвали – Счастливое детство. А мне почему-то казалось, что так называют мой бег вприпрыжку.

Уже потом, когда я подрос и пошел в школу, однажды на уроке физкультуры услышал от учителя: «А теперь делайте подскоки». Дети никак не могли сообразить: что от них требуется? А когда учитель сам показал упражнение, то я сразу догадался, что он когда-то тайком подсмотрел за мной, когда мама вела меня в детский сад, а я прыгал за ней.

– Так это же «счастливое детство»! – сообразил я и первым бросился выполнять подскоки.

С тех пор упражнение это все тоже стали называть «счастливое детство». Стоило учителю только сказать: «А теперь пять раз сделайте «счастливое детство», – как дети наперегонки бросались вприпрыжку по залу.

Но больше всего мне нравилось прыгать в длину. В своем дворе я запросто перепрыгивал самую большую клумбу, в то время как остальные дети не долетали и до середины. (Ох, и попадало им от взрослых!) И даже если б во дворе были еще большие клумбы, я бы и их смог перепрыгнуть. Но таких клумб почему-то не делали.

Мальчишки уважали меня за ловкость, и никогда не спорили: кто дальше прыгнет? Да и что спорить – у меня ведь был свой секрет. Правда, вначале я даже не знал, что это секрет, я думал, его знают все дети, кто хоть однажды прыгал. Но потом мне даже досадно стало, что никто не понимает меня. Мне вовсе не нужно было держать свой секрет в секрете – он и так оставался тайной... Дело в том, что когда я разбегался и отталкивался, то в какой-то момент, на одно очень маленькое мгновение, вдруг забывал обо всем. Я забывал о клумбе, через которую прыгал, о ребятах, о маме, о прыжке, и даже – что мне кажется главным – о самом себе. И в этот момент, когда все вокруг исчезало, я чувствовал, как на секунду зависаю в воздухе. Я замирал и ничего не делал; казалось, что меня просто не существует. А потом, когда я приходил в себя, то с удивлением замечал, как пролетал расстояние в разы большее, чем остальные.

Мальчишки смотрели на меня, раскрыв рты, но никак не могли понять – в чем дело?.. А потом я объяснил им. Но они, кажется, запутались еще больше и совсем ничего не понимали.

Однажды, когда я уже перешел в четвертый класс, нас стали учить прыжкам в длину. Учитель сначала рассказал, а потом сам показал, как это делается.

Затем мы выстроились друг за другом и по одному стали разбегаться и прыгать в песок.

Когда я разогнался и прыгнул, то приземлился в самый конец ямы, чуть не перелетев ее. Учитель подбежал ко мне, и я подумал, что он испугался, как бы я не ударился о бордюр! Но он как-то странно посмотрел на меня и попросил прыгнуть еще раз.

Мне это было запросто!.. Я разбежался, оттолкнулся, взлетел... и в самой высокой точке снова обо всем позабыл... А потом я приземлился; и снова – в самый конец ямы.

– Так ты ж зависишь в воздухе! Как это тебе удастся? – изумился учитель.

А я и сам не знаю, что нужно сделать, чтобы поймать «мертвую точку» (это так учитель сказал). Я просто чувствую ее и лечу так далеко – как захочу.

Но важно было другое, совсем не это. Я радовался, что наконец-то нашелся хоть один человек, который смог увидеть мой секрет!

Правда, после того случая опять никто никогда не видел моего «зависания». И мне было так жаль, что больше не встречаю никого, у кого бы получалось «выпадать из времени». А какое же это счастливое детство, если дети не умеют

прыгать?!

Как-то мне сказали, что какой-то негр, которого зовут Боб Бимон (конечно же, это не тот боб, который растет у нас на грядке, – хи-хи!), прыгнул чуть ли не на девять метров (вот это да-а-а!). Но я никогда его не видел. А если бы мы встретились, то, надеюсь, нам было бы о чем поговорить – ведь он уж точно знает «секрет прыжка»!

Может быть, когда-нибудь, когда я подрасту, мне удастся прыгнуть дальше Бимона. А может, я даже стану тренером по прыжкам и встречу мальчишку, знающего мой секрет. Я его потренирую, и тогда уж точно он улетит за девять метров!

Лопухи

А вот еще расскажу я вам историю... Был я тогда совсем молодым тренером. Один корифей наш – за семьдесят ему было, стариком тогда казался, – учил меня уму разуму. Работали вместе, в одном манеже тренировали. Тренируем, тренируем, а потом Моисеич вдруг и говорит: «Бросаем это неблагодарное дело. Заканчивай тренировку, пошли в город – буду тебя *жизни учить!*»

Глянул я на хронометр: полчаса еще работать. Взял да и отпустил детей, а сам – на улицу...

Идем по городу, нежимся под солнышком. Мороженое съедим, газировочки попьем.

Молчит мой наставник, словно позабыл обо мне. Когда ж, думаю, начнет *жизни учить?* И чуть ли не в блокнот готов записывать тренерские секреты.

Дальше идем. А Моисеич только щурится на яркий свет да лыбится.

– Моисеич, – говорю, – когда же *жизни* будете *учить?*

А тот словно и не слышит.

Ладно – дальше бредем.

Наконец не выдерживаю: что зря шататься?

– Моисеич, – пристаю, – давайте премудрость нашу, тренерскую. Когда *жизни учить*-то начнете?

Посмотрел он на меня, усмехнулся.

– А мы что делаем?! Да ты, Леха, не торопись: гуляй, выпивай все, что вокруг происходит. Только смотри внимательно, ничегошеньки не пропускай!

Проработал я годик так – молодой специалист, – и, как бывает часто, попался мне в первом моем наборе самородок талантливый (тогда и оценить как следует не мог свою находку). Побегал мой парень несколько месяцев всего, да и «повалил» всю Республику: выиграл свой коронный номер – барьерный бег на четыреста метров. Произошло это весной. А в том году, летом, планировался отборочный старт на юношеский чемпионат Европы...

Отступлю немножко. Как вам сказать? С одной стороны, хорошо это: школьникам да на международных соревнованиях покрасоваться! А с другой – вот что выходит: дети-то еще, а их уже «натаскивать» берутся – нагрузку форсируют. И что дальше?.. Побегают такие в юном возрасте, повывлаживаются, а там, повзрослев, и «выстрелить»-то нечем – выхолостились... А всего хуже (был свидетелем, и не раз!) – «подкармливают» деток некоторые тренерчики (Про допинг я!.. Про допинг!). А борьба с ним – одна возня мышьяная, да политика хитрая. Кто в спорте разбирается – поймет... Вот и решай что делать: то ли выигрывай, загоняя парня, то ли честно работай, но будь готов: более слабый, но «на игле», всегда может взять верх.

Никогда, правда, передо мной не стоял выбор: таблеточки, укольчики или своим ходом?.. Оттого и страдал, бывало.

Так вот, выиграл мой мальчишечка «республику», на голову сильнее всех оказался. А таких выскочек неожиданных не любят: никто не знал его раньше. Да и наставник-то кто – салага небритый!

Стали коситься в нашу сторону; чувствую, завидовали многие. И так и сяк приладутся – все меркуют, как «показаться» на отборочном старте да на Европу вскочить?

Признаюсь: струхнул я немного. Хоть и работали в полную силу, но кто ж его знает, каким обходным способом сообразят соперники на «международку» пробиться?

«Да хрен вам! – другой раз думаю. – Не в Европу, а в... торкайтесь, выиграйте сначала!»

И вот едем мы в автобусе на главный отборочный старт. Команда от области большая – человек сорок, и все чего-то хотят. А так не бывает; чтоб все – да первые!

И соперник наш главный впереди сидит. Только его и побаивались.

Но смотрю – напряжен. Хочет, ох как хочет выиграть, зараза!.. Гордо так держится, будто знает то, чего мы не ведаем: себя показать старается. Но взгляд выдает. Зыркнет исподлобья в нашу сторону – и снова в себя. И я поглядываю изредка, с опаской. Нет покоя в душе – за мальчишку своего волнуюсь. Видел за день до отъезда, как соперник наш сворачивал во двор. Да не в простой... Врач там – «химик» по-другому – жил, который взрослых спортсменов колол. Явно к нему Колька направлялся!.. Проведение, случай нас свел

в этом дворе. Узрел я намек в этой встрече – и понял все!..
Неспокойно, беспокойно на душе стало. Сомнения так и гло-
жут: как бороться с «накаченным»?

Упал совсем, было, духом. Боюсь только, чтобы печаль
моя ученику не передалась.

А потом вдруг как нашло на меня что-то... В настоящего
артиста превратился – заслуженного даже. Не дам, думаю,
обыграть Сашку так запросто в нечестной борьбе!

И как понесло меня! Играю, а не живу...

Остановился автобус наш на краю деревеньки. Ребята в
лес побежали нужду справлять. А я к сараю заброшенному
подался – не знаю зачем? Вело меня что-то – это точно!.. Гу-
ляю по высокой траве, росу обильную сбиваю – не замечаю,
что вымок уже весь, травинки рассматриваю, будто выиски-
ваю что-то.

Смотрю краем глаза: Колька, соперник, поглядывает на
меня – заинтересовался.

Я и продолжаю строиться. А сам недоумеваю: зачем делаю
вид, что ищу, чего не потерял?.. Но выкобениваюсь – в роль
вошел.

И вдруг как током пронзило!.. Узрел я: лопух под сараем
огромные шикарные листья раскинул.

Присел я загадочно – будто нашел, что искал; стал расте-
ние рассматривать... А Колька все ближе, ближе ко мне. И
другие ребята его облепили, чувствуют, что-то значительное
и тайное происходит!

Вспомнил я, как бабка моя старенькая к больным ногам лопухи прикладывала... И понял, что в точку попал. Ну, и давай разыгрывать по плану!

Оторвал один лист, пыль смахнул бережно, на свет рассмотрел.

Иду дальше – еще чудо выстраиваю. Оторвал от другого растения, от третьего – будто не все годятся, а особенные. Так и набрал целый пук листьев – мохнатых, в росе влажных.

Полкоманды за мной уже ходит; не таятся, высматривают: что за травку волшебную собираю?.. Видать, зелье славное – явно каким-то боком для быстрого бега предназначенное!.. А спросить напрямую стесняются: секреты тренерские якобы уважают.

Полюбопытствовали все-таки... А я вид загадочный делаю – перед Колькой рисуюсь. Вижу, растерялся тот, за чистую монету розыгрыш принял. Весь любопытством горит, а рот раскрыть не смеет.

«Вот оно, – думаю, – противоядие допинговое нашлось!..»

Сели в автобус. Я листья в газетку аккуратненько завернул.

Соперничек наш ерзает – подавлен полностью; лопухи за неизвестный допинг принимает. Нет ничего хуже для человека, как в потемках бродить!

А я к своему Сашке подсел. Сунул ему пакет с листьями и давай наставлять значительно, каким боком их к стопам на ночь прикладывать... Игрую, конечно, – артист ведь!.. Дети

на меня смотрят, как на мага заграничного, словно я авторитет бесконечный – могу всю команду своим чудодейственным способом в победители вывести. (Я и размечтался даже в воображении тщеславном – как все сорок человек на пьедестале толкаться будут благодаря мне!)

Но все – молчком... И я – молчком. С учеником своим только сцену шепотом разыгрываю... А внутри – уверенность ясная. Сомнение только ум терзает: сможем ли?..

Что творилось в следующий день – видеть надо было!.. Сашка мой, как рысак овса нажравшийся, летал над дорожкой. Мало того, что выиграл две дистанции, так еще и время отменное показал. Я, растерянный, и думать не думал, и мечтать не мечтал о секундах таких! Где предел возможностям его – не пойму?.. Что случилось: то ли тренировки результат дали, то ли трава и впрямь чудодейственная попала, то ли розыгрыш помог: лопухи лопухами оказались?..

Думаю, все вместе. А настрой, энергия внутренняя – на первом месте все же... Вело нас что-то. В струю попали – это точно!..

Насладились мы – съездил Сашка на Европу... Да прошло все, улеглись страсти. Работа каждодневная началась. А как каждый божий день с допингами да анаболиками бороться?.. Тут и сам Бог не сдюжит.

Плюнул я по ступенькам вверх карабкаться – так и про-

работал детским тренером всю жизнь: не чемпионами великими, так людьми настоящими ученики станут. А что, не радость разве, что отцом многие называют, на свадьбы приглашают; а то и жизнь некоторым закалка прежняя спасает: не будь тех тренировок тяжелых – не выжить бы в сложившейся ситуации, признаются?!

А мне-то уже за семьдесят ныне, как наставнику моему, старику Моисеевичу тогда было, когда меня *жизни учил*.

Черные дыры. Белые пятна

Кондрат Рукавичкин уже больше часа сидел за столиком детского кафе «Подлетьш». Одно за другим он поглощал пирожные, заедая сладким свое горе. В очередной раз он проиграл. И не просто проиграл, а прибежал последним.

Сто двадцать шесть!.. Надо же, целых сто двадцать шесть участников марафона опередили его!.. И последним, замыкающим, сто двадцать седьмым оказался он.

Очередное заварное пирожное было проглочено в три укуса и запито нежнейшим молочным коктейлем.

Одно... одно только смягчало поражение. Сто двадцать седьмое место – это значит один плюс два плюс семь, итого – единица. Эта цифра, символизирующая успех в спорте, и ласкала его самолюбие.

Кондрат любил складывать цифры, и всегда, когда марафонская трасса пролегла по улицам города, он отключался от бега, от усталости и считал машинные номера. Рукавичкин так наловчился в этом деле, что преспокойно мог выступать перед зрителями, на сцене, демонстрируя свою феноменальную быстроту сложения. $97-32$ – выхватывал его взгляд номер машины, припаркованной на обочине. И тут же за дело брался ум: $9+7+3+2=21$, $2+1=3$. Ответ готов!.. Или совсем легкое: $12-22$. Семерка в сумме – даже первоклашке ясно!

Правда, знал он одну хитрость, которая помогала в подсчете: девятки Рукавичкин сразу отбрасывал не учитывая. Получалось так: $99-71=7+1=8$. Или, если номер машины значился $63-11$, то $6+3$ (это же 9), он тоже не имел в виду, а слаживал только $1+1=2$. А все потому, что любая цифра в сумме с девяткой дает себя же. Вот, например, так: $9+3=12$, $1+2=3$. Или так: $9+9+8=26$, $2+6=8$. И так далее.

Кондрат так увлекался подсчетом, что не замечал, как его один за другим обгоняют соперники. Но даже если бы он сосредоточился исключительно на беге, все равно ему сложно было бы тягаться с соперниками: марафонец с третьим разрядом не делает погоды!.. Но Рукавичкин твердо верил: первым он когда-нибудь будет обязательно! И каждое утро перед занятиями в университете, где он постигал премудрости философии, Кондрат выходил в парк на пробежки.

В кафе народу было с горстку: бабулька с внуком, две девчонки-школьницы да семья из трех человек (малыша можно и вовсе за половинку принять, по мнению Кондрата). Это и понятно – в понедельник, после выходных, мало кто заглядывает сюда.

Рукавичкин знал, что в «Подлетьше» – самые вкусные пирожные в городе и самый сладкий коктейль. И потому, имея слабость к подобным вкусностям, нередко посещал это уютное местечко, чтобы восстановиться после соревнований или запастись калориями для своих пробежек.

Было тихо и тепло. Огромный экран плоского телевизора транслировал всякую детскую дребедень. Но никто его не смотрел.

Кондрат постепенно приходил в себя от вчерашнего поражения, уже почти успокоился. В животе приятно булькало – это молочный коктейль брал в оборот кусочки пирожных.

Рукавичкин подпер рукой подбородок и размышлял, как будет побеждать в предстоящих стартах.

Тут телевизор зарябил, замелькал и перенастроился на кабельный канал. Заставка гласила: «Черные дыры. Белые пятна»... Вот это другое дело! И повернулся к экрану Рукавичкин. Все, не полностью изведенное, наводило его на всякие мысли, предположения, фантазии. А это, как будущий философ, Кондрат уважал.

Речь шла о космических черных дырах, о том, как через них можно попасть из настоящего в прошлое, а то и в будущее!

«Наш мир линеен, – распинался диктор. – И чтобы перебраться из одной точки в другую, достаточно совместить эти точки, допустим, с помощью листа бумаги, сложив его. Затем проделать дыру (черную, неизведенную) и через нее переместиться, куда душа пожелает. Вот только незадача: скорость перемещения должна превышать скорость света! Иначе не сдобровать: человек может застрять в черной дыре – ни туда, ни сюда, или, и того хуже, навсегда затеряться в пространстве и времени. А скорости выше световой ученые,

увы, еще не придумали».

Машинально откусив половину пирожного с заварными сливками, Рукавичкин вдруг застыл с полным ртом: эврика!.. Его посетила гениальная идея!

Медленно дожевывая, Кондрат стал обдумывать план действий.

Через месяц случился очередной марафон. Рукавичкин готовился к нему как никогда тщательно. Но своеобразно!.. Досконально изучил схему трассы, место старта и финиша, пункты питания и туалеты... Потом уговорил друга и несколько раз проехал по будущей трассе на его машине. Все интересовало его, никакая мелочь не упускалась из виду.

И вот настал день старта. Не меньше шестисот участников выстроились на стадионе. Разноцветье маек, флаги, музыка, зрители и прочее, прочее, прочее – все это превратило обычный день в праздник.

Кондрат Рукавичкин затерялся в гуще стартующих. Он обводил взглядом трибуны: где-то там, среди зрителей, находилась его девушка, которой после сегодняшней победы он обязательно сделает предложение. Уж на этот раз она не откажет: как можно отказать победителю-марафонцу?!

Старт был дан ровно в двенадцать часов. Вереница спортсменов вытянулась, словно длиннющая змея, проследовала круг по стадиону и потекла через ворота на улицы города. Трасса делала большой круг по нему, даже выходи-

ла за пределы, и возвращалась с другой стороны стадиона к финишу.

Кондрат не спешил: не привлекая к себе внимания, он бежал далеко от лидеров.

Преодолев первый километр, Рукавичкин сверился с часами: три минуты тридцать секунд – что-то быстрое начало!.. Он расслабился, снизил темп почти до трусцы.

Приближался первый поворот возле городской ратуши, именно это место выбрал он для своих действий.

Вереница стайеров плавно заложила вираж и стала скрываться за углом высотного здания.

Кондрат огляделся и незаметно достал из-под майки карту города, на которую предварительно жирным фломастером нанес трассу забега. Она начиналась на стадионе, огибала круг и вновь возвращалась на стадион.

Заученным движением Рукавичкин ловко сложил карту пополам, рисунком наружу – так, чтобы место пробегания ратуши совпало с небольшим переулком перед самым финишем. Из заднего кармана шорт вытащил толстенную иглу-шершатку и проколол ею карту. Получилось отверстие (черная дыра), соединяющее место старта и финиша.

Кондрат сосредоточил свой ум на этих двух точках. Прodelать подобное было несложно – он давно увлекался медитацией и мог не только легко концентрироваться на чем-то, но и подолгу удерживать внимание на «кончике иглы».

Оставалось главное – «нырнуть» в черную дыру со скоро-

стью, превышающей световую.

«Лопухи... они даже не знают, что может лететь быстрее луча света! – смеялся Кондрат над учеными. – Мысль – вот что быстрее всего!»

Терять было нечего: любимая девушка ждала победителя, а ратуша приближалась – ее и представлять-то в воображении было нечего!

Усилием воли Кондрат Рукавичкин вошел в транс и, не раздумывая, бросился в черную неизведанную бездну, предварительно представив в сознании маленький переулок, где должен был оказаться. Мысль моментально перенесла его туда, и через неуловимое мгновение он очнулся в небольшом сквере в Яблочном переулке.

Кондрат стряхнул остатки медитационного сна. Огляделся: неужели получилось?

Он глянул на часы: да, всего семь минут прошло после старта марафона. Целых два часа ожидания предстояло ему. В самом деле – не финишировать же сейчас!

Рукавичкин торжествовал! Его затея удалась, расчеты оказались верными. Мысль – вот, что быстрее и сильнее всего на свете, она и только она вершит судьбы людские!

Кондрат расхаживал по безлюдной аллее, предвкушая победу: победу над соперниками, над умами людей, победу собственной смекалки...

Время, проведенное в сквере, пролетело незаметно. Чип, наклеенный на кроссовку спортсмена, действовал отменно,

отмечая его номер на каждой контрольной станции – так, будто бежит Кондрат в когорте марафонцев.

Ну, вот и пора!.. Рукавичкин выскочил из-за куста на трассу, когда в дальнем конце Яблочного переулка замаячили цветные майки лидеров. Свежий, полный сил и гордости за себя, вбежал он на стадион. Никогда еще в жизни не испытывал Кондрат Рукавичкин такой эйфории!

Проделав круг по стадиону, он победно вскинул руки – как делают это настоящие бегуны.

Во время финиша он даже успел разглядеть среди прочих изумленное и радостное лицо своей девушки. Теперь-то дело в шляпе!

Через полчаса Кондрат стоял на высшей ступени пьедестала. На груди его красовалась тяжелая золотая медаль, а голову покрывал лавровый венок.

Под торжественные звуки фанфар награждавший победителей гость соревнований – олимпийский чемпион какого-то там года – протянул Кондрату руку. Рукавичкин с размаху плюхнул свою ладонь для рукопожатия навстречу...

Зазвенело разбитое стекло – со столика полетел на пол и разлетелся в дребезги стакан с недопитым молочным коктейлем.

Кондрат очнулся... Он сидел в детском кафе «Подлетыш». По коленям его стекала белая липкая масса. Передача «Черные дыры. Белые пятна», по-видимому, давно закончи-

лась, и с экрана телевизора несло хрипловатое: «Ну, Заяц,
по-го-ди-и-и!!!»

Стометровка

Меня он явно чем-то привлек. И несложно догадаться – чем... Странный: сидит один за столиком и исписывает листочки! Если б дело делал, а то начеркает несколько строчек, задумается и бац – скомкал почти чистый лист, целая груда перед ним!

Больше часа сидит так, заметил. Несложно догадаться: свои песочные часы Тоня уже два раза переворачивала. Песок все сыпется и сыпется – целых полчаса сыплется. А Тоня знает свое дело, не дремлет: где бы ни была – по залу между столиков бегают, крошки смахивает, или на кухне у себя, – всегда вовремя появляется; как чувствует: вот-вот песок весь пересыплется – полчаса закончатся.

Они, часы, на барной стойке стоят, на виду – любой заметит. Все знают, прошло полчаса, перевернула Тоня часы – заказывай очередную кружку пива. Иначе... Нет, ничего не будет, просто закон неписанный такой. А новичкам, кто не знает, предлагает: не хотите ли еще?.. Попробуй «не захотеть», так посмотрит!..

Так вот, парень этот – чудной какой-то, первый раз вижу его – все пишет и пишет. И две кружки пива недопитые на столике перед ним: Тоня дважды часы вращала, вот и выходит, что целый час без толку пролямзился!

Помоложе меня – лет тридцать будет. Худой, чернявый.

Сидит себе да рисует буковки. Интересно, что можно писать?.. Хотя какое мне дело!.. Но странный какой-то... Наблюдаю... То задумчивый, неподвижный – полбокала моих может просидеть, не шелохнуться; то накромсает каракули свои, перечитает, заерзает, недовольный, и снова скомкает очередной листок. Нервничает, явно!

Мне не жалко бумаги. Но зачем же писать, если заранее знаешь, что выбросишь?! Не понимаю я таких!

Друзья мои, как чувствуют, не подсаживаются ко мне. Сижу, наблюдаю... Даже таиться не надо: чернявый весь в своих мыслях, никого не замечает.

...Тоня снова часы перевернула. Не было ее; песок вот-вот весь пересыплется в нижнюю часть... Откуда вынырнула?.. И снова сыпется – теперь уже из полного верхнего отсека – в пустую, нижнюю полость.

А Тоня по рядам пошла – бокалы разносит. Третий перед ним поставила. Вот чудак – не замечает даже! Отхлебнет глоток – и снова в бумажки. А то уставится куда-то не мигая.

Поглядел я в ту сторону: что необычного увидел? В окно гляжу, а там месяц слабый, еле заметный в серости раннего вечера. И ничего больше.

Надоело мне, признаться, глазеть впустую на чудака. В голове хмелек – давно зацепило... Встал я да и направился к чернявому. Тот уже давно не записывает. Обхватил голову руками и замер на целых полчаса.

Подсел я к парню – напротив как раз. Темновато здесь, в

углу, как только разбирает записочки свои?

А он, оказывается, и не слышит еще – ноль внимания на меня. Обидно даже!

– Можно?.. Не против?

Тот поднял глаза, как-то мимо меня смотрит... Небрежно махнул рукой: мол, делай что хочешь.

Сидим вдвоем, молчим. Рядом – ворох скомканных листочков, три кружки пива недопитых.

Заинтересовало это меня здорово. Ладно, черт с ней, с бумагой, но чего ж ты пиво не пьешь?.. Может, тараночкой угостить?

Просидел я так, глядя на бедолагу, и самому, кажется, расхотелось желтую гадость хлебать. Вот чародей попался – заворожил, прямо! Так и вообще завяжешь!..

Опять глянул я в окно – куда сквозь меня смотрит чернявый... Все та же луна, но только чуть ярче стала.

В баре шумок: каждая компания – себе на уме. Но и укромный уголок можно найти, вот как этот, где мы сидим.

– Что не пьешь? – спрашиваю.

Глянул наконец-то. Кажется, спустился с небес, может, с той луны, еле проявленной?.. Лунатик, одним словом.

Осмысленно глядит. Заинтересовался все же моей персоной.

Жду. Он все молчит. Но глядит уважительно... Смотри-ка ты, глаза загорелись! Что-то узрел во мне!

Начали мы говорить... Какую-то чепуху несет: болит ду-

ша, излиться надо... Лунатик – эт точно!

Чувствую все же – худо человеку. «Ну, так ты сюда правильно забрел, – думаю, – вливай в себя – легче станет. Только чего листы строчить-то, не понимаю!»

...Просидели мы впустую еще полчаса, Тоня две полных кружки плюхнула перед нами. Гляжу: часики пересыпают песочек, – течет время, струится. А я так ничего и не понял еще.

– Как зовут-то тебя? – спрашиваю. Хотя на кой мне его имя?

– Леня... Пчелко.

– Понятно. – Хотя ничего непонятно. И сам себя называю. А наперед знаю: ни к чему нам обоим это знакомство. И все же жаль парня становится.

– Так ты писатель, что ли?... Хемингуэй?... У нас тут не пишут. Пивной это бар!

– Да не писатель я – спортсмен... бывший. Бегал когда-то. Года два как завязал.

«Ну-ну, – думаю. – Завязать никогда не поздно, – про свое думаю. И что же дальше?»

А Леня Пчелко разоткровенничался – чудак. Вот что рассказал...

Сегодня утром я встретил его. Несколько лет не виделись

после того случая. Как будто специально кто подстроил, чтобы снова потревожить меня. Да я давно уже особо не печалюсь; так, неловко было, конечно, поначалу. А потом вроде прошло. Успокоился... Иногда вспоминал, но тут же забывал... Теперь понимаю: старался забыть.

А тут вдруг эта встреча. Что-то стоит за ней, движет что-то нами!..

Словно озарение на меня сошло в ту минуту, и увидел себя со стороны еще раз. Не так, как тогда... По-иному. По первости уклонялся от совести; как сквозь пелену смотрел... А сегодня утром понял: никуда не уходят наши впечатления, живы, пока что-то не произойдет – не осмыслится.

Весь день ходил свободный, не искал оправданий. А потом увидел, наконец, себя такого, каким был тогда...

А он-то обрадовался при встрече: позабыл тот забег или сделал вид?

Не мог смотреть я в глаза ему. Солнце слепило.

...Спринтером был я когда-то... И неплохим. Любил побеждать.

Серьезные соревнования в тот день были. Бежали мы стометровку. Серега был среди нас особенным бегуном – глухонемой он. Но не совсем. Немного слышал и немного говорил – хоть и не все разобрать. Общаться сносно можно было, да и на руках кое-что я мог показать. Свои соревнования – среди слабослышащих спортсменов – он не пропускал. Но и на обычных, наших, частенько участвовал – результаты поз-

воляли.

Жили мы в разных городах, но, встречаясь на стартах, сблизились. Дружить не дружили, но приятелями были. Частенько после забегов гуляли вместе.

Леня Пчелко замолчал. Глянул сквозь меня в окно, затем на бокал с пивом. Кажется, удивился, словно стояла перед ним золотая статуэтка Нефертити. Отхлебнул глоток и продолжал.

Первенство Союза проходило. Зрителей на удивление много собралось. Мы оба пробились в финал.

Жара. Сентябрь. В Баку соревновались.

Под вечер прохладней стало. Девятый час шел. Тени от трибун легли на дорожку, воздух посвежел. Комфортно, ощущение – словно в раю.

Прошли финалы барьеристов. Убрали препятствия: красно-белым рядком стоят на обочине.

Вывели нас, спринтеров.

Готов я был тогда: в тройку – знал – войду. Но хотелось стать первым. Только первым!

Опасался двух ребят. Особенно один волновал. Если его «сделаю» – остальные не страшны, думал... Посматривал на его разминку: кажется, в неплохой форме. Нужно собраться!

Бежал я по пятой дорожке. Соперник мой – по третьей. За ним, на второй, стоял Серега. Но на него я даже не обращал

внимания: финал на Союзе – максимум для него. Занимали мысли только о себе, о пьедестале.

Томас, стартер наш, пошутил, как всегда, настроил нас, успокоил. И дал команду: «На старт!»

Наша восьмерка опустила в колодки. Подвигались еще кто удобно устраиваясь, кто так – для фарсу. Замерли... Хотя я и был сосредоточен на себе, но боковым зрением видел, что происходит слева – четвертая дорожка волновала!..

Сейчас, когда смотрю по телевизору соревнования легкоатлетов, кажется, что выбегают те со старта, ничего не замечая вокруг. Но я-то понимаю, что все «пасут» друг друга: прекрасно видят действия соперников и ориентируются в ситуации...

Команда «Внимание!» Длинная пауза... И выстрел!..

Я уловил, что мой соперник выиграл старт. Мгновение это хоть и незаметно для неопытного глаза, хоть и мизерно, но существует... Отыграть его можно, конечно, но все же допускать нежелательно.

Мы рванули вперед. А за четвертой дорожкой – я сразу и не понял, что произошло – совсем замешкался на старте Сергей. На этот раз он просто не услышал выстрела и остался в колодках.

Рассуждать не было времени, нужно догонять соперника, это – финал!

Метров через десять неожиданно заметил, что легко приблизился к лидеру и через несколько шагов обошел его. Где-

то к сороковому метру никого рядом не было, и я уже ликовавал, предчувствуя неожиданно легкую победу.

Глянул вправо, затем влево. Мой основной соперник просто бросил бежать – по инерции плавно останавливался.

Позади него – один, второй, третий – прекращали бег финалисты. Далеко позади, возле стартовых колодок, стоял растерянный Серега: рукой прикоснулся к уху, показывая Томасу, что не услышал стартового выстрела.

Но правила едины; забег никто не останавливал. Я и несколько финалистов продолжали бег... Ничто не могло помешать моей победе – только добеги... Все я сообразил тогда, скорее почувствовал. Всегда удивляюсь: как за несколько коротких мгновений человек может столько осознать и понять?!

Но мне так хотелось выиграть, что я отгонял промелькнувшую догадку: ребята остановились из солидарности с Серегой, желая дать ему возможность стартовать еще раз. Все они, конечно, знали о его изъяне.

Не хотел ни о чем знать я...

Я уже приближался к финишу, страстно желая пересечь белую линию, когда услышал гром аплодисментов. Так хотелось принять их на свой счет – победителя, что в эйфории я готов был уже финишировать. Зачем, для чего останавливаться и начинать все сначала?!

Огромным усилием воли все же заставил себя это сделать. Проклиная все на свете, я остановился, не дотянув до победы

всего метров десять. И только теперь дошло до меня: я позорно оказался в полном одиночестве. Остальные шестеро финалистов, спиной ко мне, возвращались к месту старта.

Мельком окинул я бушующие трибуны и понял, что аплодируют не мне – потенциальному победителю, а тем, кто остановился на первой половине дистанции.

Я возвращался к стартовой линии и жалел об упущенной возможности!.. Добеги до конца – и судьи без разбирательств отдали бы победу мне.

Пчелко минуту помолчал. Затем продолжил.

Тогда мне казалось, что моя жажда победы любой ценой, безразличие к Сергею живут только во мне и никому больше не видны. Да я и делал-то вид, что ничего не понял. И только после осознал, что ни малейшего шевеления души не может скрыть человек внешним поведением... И только сегодня утром, встретившись с Сергеем, почувствовал настоящую боль от своего поступка.

Стадион несколько успокоился. Судьи пребывали в растерянности: забег не состоялся, что делать?..

Прошло минут двадцать... Мы, финалисты, топтались на месте. Судьи совещались. Трибуны то замолкали, то взрывались скандированием: «Финал!.. Финал!.. Финал!..»

В конце концов, состоялась перебежка. На этот раз вся

восьмерка стартовала успешно.

На последних метрах я вырвал победу у своего главного соперника. Стал чемпионом Союза.

Стадион бушевал аплодисментами. Но, к сожалению, не в мой адрес: снова аплодировали ребятам – кто не посмел продолжать бег после ошибки Сергея; и ему самому – хоть и прибежал он последним.

Пчелко сидел, задумчиво глядя мимо меня.

– А сегодня я встретил его... Как ничего и не было!.. С того самого дня не виделись. Гадко, гадко на душе... Пробовал я записать те события: говорят – легче становится. Да не получается что-то... – наконец-то посмотрел он на меня! – А ты знаешь, я вот рассказал тебе и, кажется, помогло! Полегчало... – И по ожившему лицу моего рассказчика пробежала еле заметная улыбка. Если верить его теории, она отразила успокаивающуюся душу его.

Но мне никак не понять этого чудака. Бокал пива – вот что лечит!

На столике перед нами застыли позабытые бокалы. Тоня стояла за барной стойкой, не смея больше подходить к нам. Песочные часы замерли – весь песок давно пересыпался в нижнюю емкость и застыл неподвижной желтой горкой. А за

ОКНОМ, СДВИНУВШИСЬ В СТОРОНУ, ЯРКО СВЕТИЛ МЕСЯЦ.

Мальчик

В одном из городов проходили очередные, ничем не примечательные, соревнования по легкой атлетике среди школьников. И в то же время это были соревнования необычные хотя бы потому, что любое первенство Края не может быть рядовым, тем более для детей.

Одна из команд прибыла рано утром. Времени хватало, и ребята после душного вагона с удовольствием прошлись пешком по морозному воздуху до гостиницы.

Слегка выюжило. Снежинки кружили в волшебном танце, за ворот пробирался прохладный воздух, приятно охлаждая нагретое за ночь тело.

Довольно быстро и без хлопот разместив детей в гостинице, Сергей Иванович оставил команду и направился в Управление по спорту. Там он быстро поставил печать в командировочное удостоверение («Отметил документ, а потом думай, зачем приехал?» – гласило неписаное тренерское правило), без проблем сдал заявки, получил в бухгалтерии деньги на питание. Затем созвонился с подопечными и договорился о встрече в манеже на разминке: многие из них не в первый раз были в этом городе и хорошо знали дорогу в легкоатлетический комплекс.

В манеже оказалось непривычно пусто. Дети приехали как раз в обед, когда между утренними и вечерними занятиями

наступает временный перерыв.

В огромном зале один рабочий ремонтировал сломанный барьер, второй проходилась щеткой по дорожке сектора для прыжков в длину. Наверху, под куполом, где были расположены подсобные помещения, в одном из окон виднелись фигурки спящих людей – они тоже были чем-то заняты.

Сергей Иванович сидел на пустой трибуне, внимательно следил за разминкой: помогал подобрать разбег, корректировал дугу в прыжках в высоту, давал советы по установке стартовых колодок... Временами, если видел у кого-то чрезмерное рвение и вырывавшуюся, неконтролируемую, «пруху», прежде времени опустошавшую нервную систему, останавливал спортсменов, стараясь не столько объяснить вредность бездумной траты энергии (это, он уже убедился на опыте, дело бесполезное), сколько сбить порыв, переключить внимание на что-то другое.

Разминка закончилась, и, посадив детвору в автобус и наказав зайти в столовую, Сергей Иванович направился все в то же Управление, где ближе к вечеру должно было состояться заседание судейской коллегии с представителями и тренерами команд, чтобы еще раз обсудить организационные вопросы.

По дороге зашел в книжный магазин. Просмотрел спортивную литературу, купил приглянувшуюся книжечку по правилам судейства. Затем в небольшом кафетерии за чашкой кофе с бутербродом просмотрел книжицу и за полчаса

до начала заседания явился в учреждение.

В небольшом актовом зале былолюдно. Кто-то, увидев старого приятеля, стоял в сторонке, беседуя о чем-то личном, кто-то решал деловые вопросы на счет передачи ученика, кто-то обсуждал новую методику тренировок, кто-то сетовал на недостаточное финансирование спорта; другие, недавно прибывшие, никак не могли привести в порядок требуемые документы и, разложив их на столе, суетливо сортировали многочисленные бумажки; большинство же просто вело ничего не значащие разговоры в ожидании начала заседания. От всего этого в помещении стоял рабочий гул.

Сергей Иванович уселся на свободный стул, предложенный знакомым тренером. Перекинувшись дежурными фразами, он еще раз просмотрел программу соревнований. Убедившись, что нет никаких накладок, Сергей Иванович окинул взглядом присутствующих, чуть дольше остановившись на главном судье соревнований и секретаре.

В этот момент в комнату вошел человек, который сразу завладел вниманием тренера. Никогда ранее он не видел его и теперь с интересом уставился на незнакомца.

Это был довольно странный субъект. Он словно попал сюда из конца девятнадцатого века. Одень его сейчас в старинный наряд – один к одному походил бы на средней руки чиновника того времени: частично – внешний вид, а больше – нечто неуловимое, исходящее от него, производило специфическое впечатление.

Сергей Иванович с любопытством рассматривал вошедшего. Средний рост, относительно короткие конечности – руки и ноги, несоразмерно огромная и, видимо, тяжелая голова, придавали странность хозяину. Высокие залысины на широком лбу его переходили почти в лысину, прикрытую зачесанными на бок длинными, черными волосиками. Снизу, на затылке, волосы были острижены довольно коротко и аккуратно. Пухлые щеки прикрывали низкие, густые бакенбарды. Создавалось впечатление, что лоб занимал добрую половину лица этого человека, а потому глаза, и без того небольшие, казались совсем маленькими. Они были серыми и внимательными. Но внимание это было каким-то рассеянным: словно мужчина, хоть и старался думать о чем-то конкретном, никак не мог сосредоточиться и уловить суть обдуманного. И потому представлялся он Сергею Ивановичу поверхностным наблюдателем, который вроде бы и вникает в дело, по-деловому соглашается с чем-то или, наоборот, отвергает, – и все же недостаточно хорошо разбирается в вопросе.

Одет тот был в черный костюм, черный строгий галстук, красиво выделявшийся на фоне белой рубашки, и в черные, удлиненные в носках, туфли, отменно начищенные и блестящие. В руках он держал папку из дорогой крокодиловой кожи – толстую и важную от содержимого, которая придавала солидность этой личности и довершала образ, конечно же, немалого начальника.

Да и поведение его было соответствующим. Достоинно и степенно старался вести себя этот человек. Но вместе с тем в этом желании его чувствовалась неуверенность и доля растерянности. Он (видно было) не ставил себя выше присутствующих; казалось даже, был готов услужить им или согласиться в чем-то с ними, но согласиться на уровне управленца, а не рядового работника.

Его и еще одного человека, вошедшего с ним, провели за большой стол, стоящий во главе комнаты, указали на свободные места.

Того, второго, Сергей Иванович знал хорошо, как одного из опытнейших судей республики, и теперь только украдкой посматривал на незнакомого чиновника, с нетерпением ожидая, когда же представят начальство, и старался угадать, кто же перед ним?..

Когда все расселись, проводящий судейскую коллегия, как и полагается, назвал главного судью и секретаря соревнований, а затем представил незнакомца:

– Инспектор соревнований – Мальчик Иван Иванович, – а потом добавил: – После обсуждения положений, конкретно касающихся нашего первенства, возможно, Иван Иванович ознакомит нас с календарем стартов на текущий год, ответит на ваши вопросы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.